

раздумья над книгой стихов

КОСТРЫ РАСУЛА ГАМЗАТОВА

Ща — огонь. Для жизни.
Для любви и ненависти.

Расул ГАМЗАТОВ,
«Мой Дагестан»

В ЧЕРНОМ небе горного аула сверкали отблески огня. Шла свадьба. Она действительно шла — поднимаясь от дома невесты, стоящего вблизи аульской площади — годекана, к дому жениха, взметнувшись под самую вершину горы. И за беспокойным вьющимся звуком зурны, за песней девушек, провожавших подругу, за самой невестой, закрытой белой шалью, струившейся и переливавшейся в неостывшем воздухе огненная река. Горели прощальные костры, которые разжигались на всем подъеме свадебного шествия. Сложенные из хрупких, скудных на огонь горных веток, они, как порох, взрывались за каждым уступом тропы, отбрасывая языки пламени в ночное небо. И когда зурначи уже достигли вершины, когда открылись ворота в чужой дом, невеста, быстро приподняв концы шали, взглянула вниз, где на годекане еще мерцали в темноте последние догорающие угли.

И если мой огонь погас,
Жалейте не меня,
А тех, сидевших столько раз
У моего огня.

Да, это была не просто горская свадьба, а настоящий праздник огня: горели факелы, всю ночь дымили костры, не гасли очаги... И под стать им — огненные пляски, пламенная любовь, искрящиеся гости.

Не только в обычаях и обрядах гор. «в преданьях вещей старинных» хранится поклонение огню «Пламень любви» сжигал поэзию Ирчи Казака, «юности нашей зажженный костер» вспоминала Щаза из Куркли, «кипящий огонь» вдохновлял Махмуда из Кахабросо, не гас «огонь в груди» Батырая. А в народной поэзии!

В битве, в огненном нольце.
Я один остался жив.
Пусть сожжет меня огонь —
Мне сдаваться не и лицу.

Так и видится этот немеркнущий свет, разлитый во всей горской поэзии. Он горит и в лирике Расула Гамзатова.

«У нас есть обычай, — вспоминает поэт, — вечером первого зимнего дня (а иногда также вечером первого весеннего дня) горные аулы разжигают на скалах приветственные костры. По одному костру на аул. Костры далеко видны. Через ущелья, через пропасти и скалы аулы поздравляют друг друга с наступлением зимы или весны. Огненные приветия, огненные пожелания! Я сам много раз разжигал такой костер на утесе Хамирхо, что склонился над аулом Цада». Не правда ли, уже один такой рассказ читается как подстрочник будущего стихотворения? Здесь прямая связь жизни и поэзии. Вот почему своеобразными приветственными «кострами» стали для Расула Гамзатова и его книги. Их строки далеко слышны: через ущелья и долины, через пустыни и моря, через леса и луга. В чем же притягательность, в чем завораживающее звучание его песен, афористичных стихов? Ну, хотя бы эти:

Взамен не прошу я
жизнейского блага,
Лишь были б со мной
до скончания лет

Расул Гамзатов. «Избранное». Издательство «Известия», 1977. Т. 1. «Стихотворения». 496 стр. 3 руб. 10 коп. Т. 2. «Позмы, сказания, письма». 528 стр. 3 руб. 10 коп.

Родные вершины, перо,
Да бумага,
Да бурна, как полночь,
и ты, как рассвет.
Спросите лучше ответ у языков пламени: что заставляет нас часами смотреть на их колдовскую игру, провожать глазами снопы искр, взлетающих в ночное небо?

вечества — о похитителя огня Прометее — родился у кавказских скал.

В поэзии Расула Гамзатова, как не раз уже отмечалось, фольклорные мотивы неразрывно переплетены с современными. Причиной тому — сама жизнь. Традиции в Дагестане стоят ближе, чем где-либо, к нашему дню. Самобытность прикладного искусства, до сих пор широко распространенного в народе, верность лучшим традициям, обычаям, повсеместное уважение к своему прошлому — черты современной дагестанской жизни. Конечно, земля горцев живет не только прошедшим. Доказывать это излишне. Но, повторяем, в Дагестане, как нигде, культура прошлого и современность выступают в неразрывной связи, в едином преемственном потоке. Творчество Расула Гамзатова как раз и привлекает таким органичным и естественным выражением «сво-

началу и в жизни, и в поэзии неизменно сопровождала в русской литературе «кавказскую тему». «Синие горы Кавказа, приветствую вас! вы взлелеяли детство мое; вы носили меня на своих оидальных хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили...» Так писал Лермонтов, и его слова могли бы повторить многие русские писатели. Их мог бы сказать и Расул Гамзатов. Потому что у истинной поэзии — одна правда: искренность. И насколько правдив поэт — настолько он искренен.

Многие стихи народного аварского поэта напоминают исповедь, где ничего не таится, выкладывается начистоту. Не будь изощренной восточной формы стиха, они бы воспринимались несколько однотонно, камерно. Даже в переводах в стихах Гамзатова (особенно в последних книгах) чувствуется только ему присущая интонация мужественной печали, отчего его лирика становится в высшей степени человеческой, легкоранимой:

То метели, а то ипелли,
То бело, то черно вдали.
Пел я песни, а дни летели,
Пел я песни, а годы шли.
На коне, пешком, на колесах
Я объехал почти весь свет...
Вот Расулу уже на посох
Рубят с дерева третью ветвь.

К сожалению, приходится оборвать цитирование одного из прекраснейших стихотворений Гамзатова «Мое дерево», иначе пришлось бы перейти к следующему, а затем — переписать и многие строки книги «Таинственность», в которой автор наиболее цельно и законченно (если можно так сказать) предстал перед читателем. Очевидно одно — для Гамзатова-лирика сегодня характерны глубокое раздумье, неторопливость, выверенность чувства и мысли. Здесь его огонь горит ровным жаром, не затухая от набежавшего ветра, а разгораясь все ярче, сильнее. Поэтому в стихах Гамзатова все чаще встречаем обращение к своим сверстникам-поэтам:

Шапку сняв
на пороге родном
Я стяхнул седину непогоды.
И клубятся снега за окном,
Словно годы. Мустай,
словно годы.

Все чаще в его поэзии звучат мотивы неизменной, вечной любви, желание сохранить ее, уберечь. Все осязатее в строках прославляющих радость и горечь прожитых лет. Все сильнее ответственность за свои слова, которые по-прежнему «жгут ладонь». Так поэзия Расула Гамзатова продолжает набирать высоту своего горения.

В одном из стихотворений поэт как бы собирает в фокус разнообразные лучи своего таланта, давая им мощный импульс. Он рассказывает, как однажды пришел к тяжелобольному Александру Трифоновичу Твардовскому. Разговаривая тот не мог, но знаками показал, что можно выйти из больничной палаты в осенний сад. И вот там-то, в саду, недалеко от ограды, западал из сухих опавших листьев небольшой костер. Горел он слабо, больше дымил, и проходивший мимо врач заставил погасить эту последнюю теплячку огня. Но костер истинной поэзии, восклицает Гамзатов, продолжает гореть, его не затушить!

И сам теперь я
для детей своих
Зажег огонь — пусть шлет
все дальше, выше
И свет, и жар...

Да, «и свет, и жар» исходят от лучших стихов Расула Гамзатова. Они горят и дозорными кострами, предупреждая об опасности, и вечным пламенем любви, пылают силой вдохновения и таланта, согревают друга, выжигают зло, светят добром и справедливостью. Это — и свет очага, и светильник путника, и костер чабана. И одни ли только костры горят в его поэзии? В ней светят звезды, поднимаются горы, распускаются цветы, текут реки, парят орлы, живет земля...

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ

Книжная графика

Ильдар УРМАНЧЕ. Из иллюстраций к книге Расула Гамзатова «Мой Дагестан». Издательство «Известия».

Но гляжу я на пламя
и кажется, будто
Это вовсе не угли,
а звезды горят.

В этих строках виден «весь» Расул Гамзатов — с воспеванием естества жизни, одухотворенным взглядом на природу. Его стихи передают «первоначальное значение и чувств, и помыслов, и слов», хотя и могут показаться символическими, выпреними. Символика, которая используется поэтом, традиционна в своей основе и служит лишь концентрированному отображению жизни. Как роспись на глиняном кувшине, она остается, только пройдя обжиг в собственном сердце.

Но «первоначальное значение» не рождает прямолинейности, дидактичности поэзии. Наоборот, оно возвращает нас к первоосновам жизни. Любовь, верность, храбрость, мужество... Все это — нравственные категории человека, тот огонь его души, который поддерживается поколениями. «Чувствую и в своем сердце искру этого вечного огня, — говорит Расул Гамзатов — Вижу и свой долг в том, чтобы не дать потухнуть этой искре. Разжечь ее, заставить светить и греть, и чтобы идущий вслед за мной принял ее от меня и понес дальше». Так огонь превращается в светильник — мысли, чувства.

Светильник сходен с сердцем;
в самом деле,
Их надо засветить,
чтобы горели.

Не случайно, что один из самых поэтичных мифов чело-

его» начала, которое становится всеобщим. Причем, читая его переводы, нельзя сравнивать разные культурные традиции, подводя их под одну черту. Например:

Я солнце пил, как люди воду,
Ступая по нагорьям лет
Навстречу красному восходу,
Занату красному вослед.

Красивость ли это? Да, в русской поэзии такая строфа могла бы показаться высокопарностью, как, скажем, высокопарны многие стихи символистов. Но она читается нами естественно, когда мы помним, что здесь угадываются иные корни, другие традиции, нежели привычные нам. Более того — принимая такой взгляд, понимая его, начинаем ощущать подлинность этой поэзии, ее красоту. Еще в прошлом веке это прекрасно выразил А. Фет, когда Лев Толстой «приобщил» его к песням кавказских горцев:

Тан бросил мне
кавказские ты песни,
В которых бьется
и кипит та кровь.
Что мы зовем поэзией.
— Спасибо,
Полакомил ты старого ловца!

Кроме того, Кавказ в русской литературе всегда имел некое символическое значение. Почитание его современных певцов — дань вековой традиции уважения к мужеству и храбрости горцев, к их свободолюбию, наконец, к далекой земле, которая воспринималась как некий забытый Эдем. Возвышенная тяга к эллинизму, к гармоническому